

Когда стемнеет

Ночью в нашем переулке тихо.

Луна молчком выглядывает из-за туч. Тигровый кот бесшумно идёт на охоту за мышами. И только старые яблони в соседском саду тихо вздыхают от ветра.

А больше ничего не слышно.

Всё потому, что у нас здесь почти не бывает машин. Переулок для них узковат.

И ещё потому, что ночью здесь почти никто не ходит. Ни бесстрашная Фредерика из соседнего дома. Ни Бен с каской из дома немного подальше. Ни Пенелопа из дома в конце переулка. Потому что все спят.

Ну, почти все.

Мой брат Том в ту ночь сидел в своей постели.

Том у нас всегда засыпает первым. И спит крепче всех. И всё равно дольше всех.

Но он-то как раз и не спал.

— Ты тоже это слышал, Тео? — шёпотом спросил Том.

Разумеется, я тоже это слышал. Звук был довольно громкий.

Шорох, стук. А потом такой быстрый топоток.
Ночами в нашем переулке совсем тихо.
Разве что воры проберутся на крышу.

Про мышей и воров

— У нас тут не бывает разбойников, — сказала на следующее утро мама.

Таким же тоном, каким она утверждала летом, что у нас не бывает мышей.

Но мыши всё-таки были.

То есть одна.

Совсем маленькая.

Она попала в дом случайно, со двора.

Очень хорошенькая.

Но мама всё равно пронзительно закричала, когда мышка пробежала по её ступне.

Лотти даже зажала уши.

— Слишком громко, — сказала она.

— Слишком высоко, — сказал Том.

— Я и не знал, что ты можешь брать такие ноты, — сказал папа.

— Я тоже не знала, — сказала мама.

И вот теперь мама говорит, что у нас нет разбойников. Мы сидели в кухне. Кроме папы, который ещё спал. Мама намазывала нутеллой булочку для Лотти. По воскресеньям у нас иногда бывают булочки, а нутелла есть всегда. Если мы хотим. Мы хотим всякий раз. Особенно Лотти.

— Тогда, может, у нас есть воры? — размышляла Лотти. — Это плохо. Пони не любит воров. — И она стиснула своего плюшевого единорога. То ли в утешение, то ли просто так.

— Нет, у нас нет воров, — сказала мама.

— Тогда грабители? — спросил Том. — Это плохо. Я не хочу, чтобы угнали мой новый велосипед. — И он выглянул в кухонное окно — во двор, где стоял его синий велосипед. Только чтобы убедиться, что он на месте.

Он был на месте. Стоял у покосившегося сарая и блестел на солнце.

— А ты ставь его в сарай, — сказал я Тому. — А то ты всегда забываешь.

— Не беспокойся. У нас и грабителей нет, — сказала мама и чуть не облизала нутеллу с ножа.

— А что тогда прошлой ночью шумело на крыше? — спросил я. — А скажи-ка, мама.

— Тигр? — предположила она.

Тигр — это большой полосатый кот, который живёт у бесстрашной Фредерики, когда не лазит по задворкам, по садам и — да, по крышам.

— Но Тигр же очень тихий, — возразила Лотти. — Он делает вот так.

И она посадила своего единорога Пони на стол между тарелок, плюхнулась на истёртый дощатый пол и показала, как крадётся Тигр. Она сама стала Тигром.

Лотти ещё маленькая, ей всего три года, и потому это и впрямь выглядело мило. Но всё равно как-то непохоже.

— Нет, вот так, — сказал Том.

Он встал, едва не опрокинув при этом свой стакан с молоком, и показал, как крадётся Тигр. Он тоже стал Тигром.

Но поскольку ему уже шесть лет и ещё он очень высокий и сильный для своего возраста, выглядело это уже не так мило. И тоже как-то непохоже.

— Да вы совсем не так делаете, — сказал я.

Мне ведь уже семь лет, я многие вещи знаю лучше. Иногда Том и Лотти это признают. Но в основном всё же нет.

— Ты плохой! — кричит Лотти. — Мама, Тео плохой.

— Что, правда? — спрашивает мама и намазывает булочку нутеллой.

— Да. Тео — дурак, — сказал Том.

Мама вздыхает.

Я смеюсь над ними обоими.

Это выводит их из себя.

Том ринулся ко мне, и его стакан всё-таки опрокинулся. Увидев, что её единорог Пони сидит в луже молока, Лотти заревела.

А мама, пока мы дрались, надкусила свою булочку с нутеллой и с полным ртом (а так она обычно не делает) сказала:

— А вы не могли бы драться потише?

— Мама, — сказал я ей.

— Дурак! — сказал мне Том.

— Бу-у! — сердито выкрикнула Лотти.

За всем этим происшествием мы забыли про разбойников. Они ведь уже ушли.

Так мы думали.

Пока у нас не украли велосипеды.

У нас будет жить квартирант

Один из велосипедов принадлежал нашему новому квартиранту.

— Что такое квартирант? — спросила Лотти.

До сих пор у нас его никогда не было.

— Это человек, который у нас спит, ест, принимает душ и платит за это, — объяснил папа.

Стоял воскресный день. Светило солнце. Было тепло, хотя уже почти наступила осень. Мама снова прилегла, зато папа встал и подрезал во дворе розы.

Мы помогали.

Я помогал тем, что измельчал длинные стебли, которые папа срезал с живой изгороди.

Том помогал тем, что не резал себе пальцы садовыми ножницами.

Лотти помогала тем, что не мешала нам. Она сейчас была принцессой за колючей живой изгородью.

Она играла, а мы обрезали и кромсали.

— Теперь я буду драконом, — вдруг сказала Лотти.

И стала драконом. И изрыгала огонь, рычала и скалила зубы, чтобы все боялись.

— Здорово, — сказали мы с Томом.

И наши ржавые садовые ножницы стали блистающими шпагами, а мы стали рыцарями.

— Я вызываю дракона на бой! — крикнул Том Храбрый.

— А я спасу принцессу! — крикнул я, Тео Неустрашимый.

— Не, не ты, — сказала Лотти. — Она уже давно сама спаслась.

Тут мы решили сражаться не против дракона, а между собой. В конце концов, для порядочной дуэли всегда нужен противник.

И мы дуэлировали на славу.

Я, Тео Неустрашимый, кричал:

— Вот тебе, злодей!

А злодей, то есть Том Храбрый, кричал:

— Сам злодей!

А Лотти-дракон прыгала вокруг и изрыгала пламя.

И славная битва длилась до тех пор, пока папа не спросил, обязательно ли господам и дамам и рыцарям

и драконам топтаться по куче обрезков живой изгороди. Которая уже перестала быть кучей. И кто теперь будет снова сметать всё в кучу.

Никто.

Чтобы отвлечь папу, я осведомился, когда же явится наш квартирант, который собирается у нас спать, принимать душ и есть.

— Сегодня вечером, — сказал папа.

— А почему он вообще будет всё это делать у нас? — спросил Том. — Разве он не должен спать, принимать душ и есть у себя?

— Ему нужно жильё, а нам нужны деньги, — сказал папа.

— А-а, — поняли мы с Томом.

Лотти ещё слишком мала, чтобы понимать про деньги. Она радуется монетке в один цент и монетке в один евро одинаково. Главное, что они блестят.

Но мы-то понимаем!

Иногда папа говорит:

— Нам надо срочно заменить сушилку, но денег нет.

Иногда мама говорит:

— Нам надо срочно залатать крышу, но денег нет.

И очень часто мы говорим:

— Эх, нам надо срочно купить по леденцу, но денег нет.

Тогда мы идём просить у мамы с папой. Чаще всего всё получается. Леденцы как-никак гораздо дешевле сушилки или крыши. Но маме и папе, к сожалению, попросить не у кого. Так что идея с квартирантом действительно хорошая.

— А где он будет спать, квартирант? — спросил Том.

— Только не в моей комнате! — крикнула Лотти, пытаясь воткнуть цветок шиповника в гриву Пони.

— Не в твоей, — сказал папа.

— И не в нашей! — крикнул Том.

— Не в вашей, — сказал папа.

Где же тогда?

В маминой комнате.

Правда, что ли?

Дом у нас маленький. В нём есть первый этаж. Тут прихожая, кухня, гостиная и туалет. И есть верхний этаж. Там все спальни, ванная и крошечная каморка. Она хоть и маленькая, но с видом на нашу гору.

Со всеми её домами внизу, деревьями наверху, скалами ещё выше и небом над скалами. Мама любит каморку. Она всегда сидит у этого окна и пишет.

Ну, то есть так она делала раньше.

— А где же будет работать мама? — спросил Том. — Скажи-ка, папа.

Папа не отвечает. Но следующие ветки обрезает ещё энергичнее. Как будто хочет быстро проделать дыру в живой изгороди и исчезнуть в ней.

— Где? — спрашиваю я.

— В кухне, — говорит папа из зарослей.

Ах ты, господи.

У мамы собственная комната появилась не так давно. Её только что отремонтировали. И обставили. И теперь придётся её отдать?

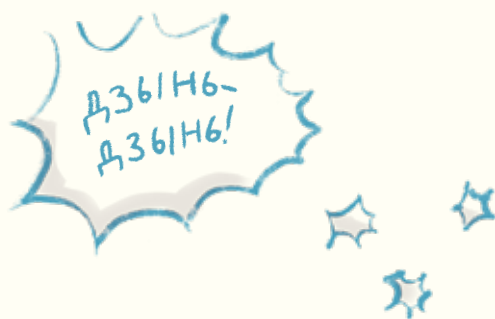
— Но мама рассердится, — сказала Лотти. — Когда услышит про это.

— Ну да, наверняка, — согласился Том.

— Да она уже знает, — сказал я.

И покачал головой, потому что Том и Лотти ляпнули глупость.

Они уже хотели на меня за это обидеться, но тут у наших ворот громко зазвонили.

Константин с велосипедом

За воротами стоял молодой человек с велосипедом. Велосипед был не хуже, чем у Тома. А то и красивее — жёлтый, блестящий и выглядел так, будто ездит страшно быстро.

— Фи, — сказал Том.

Молодой человек засмеялся, показав белые зубы.

— Я тоже рад познакомиться, — сказал он. — Меня зовут Константин.

Папа удивился:

— Ты уже тут? А мы тебя так рано не ждали.

— Нет проблем, — небрежно сказал Константин и снял с велосипеда огромный рюкзак. — Просто покажите мне комнату, и я не торопясь устроюсь.

— Но мама рассердится, — сказала Лотти и сама приняла сердитый вид. Как дракон, который собрался изрыгать огонь.

— Наверняка, — сказал Том с недовольным лицом. Как у рыцаря, у которого не было никакого желания махать мечом.

Ничего-то они оба не понимают.

Папа смотрел то на Константина, то на зелёные об-
резки у себя под ногами и вздыхал.

— Я могу, — быстро сказал я, пока папе снова не при-
шла в голову мысль заставить нас их сметать. — Я по-
кажу комнату. Показать?

— Только маму не буди, — сказал папа.

Конечно, не буду!

Константин поставил свой велосипед рядом с вело-
сипедом Тома.

И я оставил Храброго Тома и его почти изрыгающе-
го огонь дракона с папой, чтобы показать Константину
наш дом.

Всё шло хорошо.

Константин любовался балками, изъеденными чер-
вяком, покосившимися стенами и скрипучей лест-
ницей.

— Всё ещё красивее, чем на фото, — заверил он
меня.

Наверху мы встретили маму. Она зевнула и сощури-
лась.

— Мы не хотели тебя разбудить, — сказал я.

— Вы и не разбудили, — сказала мама. — Не беспо-
койтесь.

И она протянула Константину руку и обняла меня
за плечи. И вместе мы показали ему комнату.

Когда Константин увидел стены, которые мама покрасила в голубой цвет, а потом ещё и вид из окна прямо в небо, он сказал:

— Я впечатлён.

И мне показалось, что он и впрямь впечатлён.

— Я рада, — сказала мама.

Но она не казалась такой уж обрадованной.

А теперь паста

В первый вечер Константина у нас дома папа пригласил его с нами к столу.

Он варил большую кастрюлю пасты и почти такую же большую кастрюлю соуса болоньезе.

Том и Лотти хотели помогать. У меня ещё было не сделано домашнее задание. Письменное деление. Это я люблю. Я сел за кухонный стол и отвинтил колпачок чернильной авторучки. Том и Лотти уселись напротив меня и принялись за овощи.

Том действительно умеет чистить морковь. И почти не режет пальцы.

И Лотти тоже хорошо чистит. Если она старается, у неё получается почти целая миска.

— Может быть, я стану поваром, когда вырасту, — задумчиво сказал Том. — Шеф-поваром!

И шеф-повар Том повязал фартук и чистил морковку так, что обрезки кожуры летели по всей кухне. Парочку из них я смахнул со своей тетрадки.

— Я тоже! — воскликнула Лотти. — Но я буду поварихой.

И стала есть свою свежеччищенную морковь, хотя та вообще-то предназначалась для соуса болоньезе. Только единорогу Пони немного досталось.

— Но ты ведь не будешь тогда варить цельнозерновые макароны, да? — спросил я шеф-повара.

Цельнозерновые макароны бывают только в детском саду и в группе продлённого дня.

Том пришёл в ужас

— Фу, только не это! — воскликнул он. — Я их ненавижу.

— Я тоже, — сказала Лотти.

— А я больше всех, — сказал я.

Константин удивился:

— А мне они нравятся.

Мы были в ужасе. Том открыл рот и наверняка бы сказал что-нибудь вроде «Фу, ты с ума сошёл?», но папа его опередил:

— Цельнозерновые макароны очень полезны.

— У нас есть шпинат, — объявил шеф-повар Том. — Он ещё полезнее. И мне он нравится.

— Мне тоже, — сказала Лотти.

— А мне больше всех, — сказал я.

— Да, мне тоже, — признался Константин. — Но что к шпинату?

— Ну, морковь, — сказал шеф-повар и закатил глаза. — И огурцы. Этого достаточно из полезного.

— Да, — сказала Лотти. — А потом десерт. Мороженое. И пудинг. Много-много пудинга.

Константин кивнул:

— Ясно. Логично. Вы совершенно правы.

Лотти склонила голову набок. Она так делает, когда размышляет.

— А ты хороший, да, — сказала она Константину. — Но если бы ты не забрал у мамы её комнату, было бы ещё лучше.

— А я забрал? — спросил потрясённый Константин.

— Да, — сказал Том.

— Забрал, — сказал я.

Тут папа стал помешивать соус так, что ложка громко скребла по краям кастрюли.

— Не говорите глупостей, дети, — велел он.

И лицо у него стало красным, как соус болоньезе.

— Я не говорю глупости, — сказала Лотти. — Я ведь очень умная, очень хорошая и очень милая.

— Кто тебе сказал? — спросил я с интересом.

— Все говорят, — ответила Лотти.

И ведь даже не соврала.